

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-1-308-311

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский
институт Федеральной службы исполнения наказаний,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

НАКАЗАНИЕ КАК КАРА И НАКАЗАНИЕ КАК ИСЦЕЛЕНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ДУАЛИЗМ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Статья представляет собой теоретико-философский анализ фундаментального дуализма, лежащего в основе современных пенитенциарных систем. Исследуется противостояние двух парадигм понимания наказания: карательной (ретрибутивной), ориентированной на воздаяние и изоляцию, и восстановительной (реабилитационной), направленной на исцеление, исправление и реинтеграцию. Проводится концептуальный анализ институциональных, политико-экономических и социально-психологических причин устойчивого доминирования карательной модели, несмотря на декларируемые цели исправления и убедительную этическую аргументацию восстановительного подхода. В работе рассматривается, как такие факторы, как неолиберальная политическая экономия, циклы «моральной паники», бюрократическая рациональность и глубокие коллективные аффекты формируют систему, в которой логика возмездия перманентно преобладает над логикой восстановления. Делается вывод о том, что разрешение этого дуализма требует не простой реформы, но диалектического преодоления в новой парадигме, где социальная безопасность переосмысливается через призму восстановления связей и социальной справедливости.

Ключевые слова: Пенитенциарная система, философия наказания, карательная парадигма, восстановительное правосудие, ретрибуция, реабилитация, реинтеграция, институциональный анализ, неолиберализм, социальная справедливость.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences,
Senior Researcher, PKU "Research Institute
of the Federal Penitentiary Service

PUNISHMENT AS PUNISHMENT AND PUNISHMENT AS HEALING: THE PHILOSOPHICAL DUALISM OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. The article is a theoretical and philosophical analysis of the fundamental dualism underlying modern penitentiary systems. The confrontation between two paradigms of understanding punishment is examined: punitive (retributive), focused on retribution and isolation, and restorative (rehabilitative), aimed at healing, correction and reintegration. A conceptual analysis of the institutional, political-economic and socio-psychological reasons for the sustained dominance of the punitive model is carried out, despite the declared goals of correction and a convincing ethical argument for a restorative approach. The work examines how factors such as neoliberal political economy, cycles of "moral panic," bureaucratic rationality and deep collective affects form a system in which the logic of retribution permanently prevails over the logic of restoration. It is concluded that resolving this dualism requires not simple reform but dialectical overcoming in a new paradigm where social security is reframed through the lens of reconnection and social justice.

Key words: Penitentiary system, philosophy of punishment, punitive paradigm, restorative justice, retribution, rehabilitation, reintegration, institutional analysis, neoliberalism, social justice.

Введение: извечный дуализм целей наказания. Пенитенциарная система, как сложный социальный организм, с момента своего институционального оформления пребывает в состоянии перманентного внутреннего кон-

фликта. Этот конфликт проистекает из фундаментального философско-правового дуализма, определяющего саму природу уголовного наказания. С одной стороны, существует парадигма кары (ретрибуции), укорененная в архаичном

принципе талиона и концепции справедливости как воздаяния. Ее цель состоит в осуждении, страдании и изоляции нарушителя, восстановление нарушенного морального порядка через акт социального отторжения. С другой стороны, противостоит парадигма исцеления (реабилитации и реинтеграции), рассматривающая преступление как симптом социальной или личностной дисфункции, а наказание как процесс исправления, восстановления нарушенных связей и возвращения оступившегося в лоно общества. Этот дуализм не является сугубо теоретическим; он материализуется в архитектуре тюрем, в ежедневных практиках персонала, в законодательных нормах и, в конечном счете, в судьбах миллионов заключенных. Анализ причин устойчивого доминирования карательной логики над восстановительной представляет собой ключ к пониманию не только эволюции пенитенциарных институтов, но и фундаментальных вопросов о природе справедливости, социального контроля и человеческой солидарности в современных обществах.

Теоретические основания парадигм: от ретрибутивизма к ресторативной справедливости. Карательная парадигма, или ретрибутивизм, черпает свою силу в глубоких пластах коллективного бессознательного и моральной философии. Как отмечается в Стэнфордской энциклопедии философии, ядро ретрибутивной теории составляют три принципа: лицо, совершившее противоправное деяние, морально заслуживает пропорциональное страдание; по сути, морально хорошо, если законный наказывающий субъект предоставляет ему это заслуженное наказание; морально недопустимо намеренно наказывать невиновных или применять непропорционально суровые кары [1]. Эта модель апеллирует к интуитивному чувству справедливости как возмездия, которое часто сохраняет силу даже в гипотетических ситуациях, когда утилитарные цели наказания (удержание, сдерживание) уже достигнуты. Пенитенциарная система, построенная на этих основаниях, превращает тюрьму в материальный символ заслуженного социального отвержения, где акцент делается на изоляции и причинении «тягот».

Восстановительная парадигма предлагает радикально иную онтологию преступления. Она отказывается видеть в нем исключительно злую волю индивида, противостоящую абстрактному закону государства. Вместо этого преступление интерпретируется как конфликт между людьми, наносящий вред конкретным жертвам, сообществам и социальным связям [2]. Соответственно, цель правосудия смещается с воздаяния на исцеление. Восстановительное правосудие сосредоточено на нуждах жертв, на активной ответственности правонарушителя за заглаживание вреда и на вовлечении сообщества в процесс восстанов-

ления. Криминолог Нильс Кристи в своей знаменитой работе 1977 года «Конфликты как ответственность» указывал, что традиционная система фактически «отнимает» конфликт у его непосредственных участников, передавая его в руки профессиональных юристов и чиновников, тем самым лишая общество возможности для морального роста и примирения [3].

Институциональные барьеры для восстановительной парадигмы: политическая экономия наказания. Несмотря на убедительную этическую аргументацию и эмпирические свидетельства об эффективности отдельных восстановительных практик, карательная парадигма демонстрирует удивительную живучесть. Одной из ключевых причин является ее глубокая институциональная и политико-экономическая укорененность. В эпоху неолиберализма пенитенциарная система часто перестает быть лишь инструментом борьбы с преступностью, превращаясь в механизм управления социальными рисками и маргинализированными группами населения. Как отмечается в анализе неолиберального институционального развития, наблюдается отсутствие прямой связи между уровнем преступности и карательными аппетитами государства, выражающимися в коэффициенте лиц, содержащихся в исправительных учреждениях [4]. Вместо этого рост тюремного населения коррелирует со снижением социальной защищенности, выполняя функцию сдерживания социальных напряжений, порожденных экономической нестабильностью.

Этот процесс ведет к «коммодификации» карцеральных институтов – превращению их в подобие потребительского товара, чье воспроизводство требует постоянного «сырья» в виде заключенных. В таких условиях реабилитационные программы, если они и существуют, часто носят формальный характер или подчиняются логике экономической эффективности и контроля, а не подлинного исправления. Карательный аппарат, будучи разветвленной бюрократической системой с собственным бюджетом, кадрами и инфраструктурой, обладает огромной инерцией и заинтересованностью в самосохранении. Восстановительная же парадигма, делающая ставку на децентрализованные, диалогические и неиерархические практики, с трудом встраивается в эту жесткую административную машину, часто маргинализируясь в статусе факультативного «приложения» к основному карательному процессу.

Политическая инструментализация карательной парадигмы и феномен моральной паники. Карательная логика получает мощнейшую подпитку из сферы публичной политики. Уголовное правосудие, особенно в периоды избирательных циклов, регулярно становится полем для символической политики, где демонстрация «жестко-

сти» служит инструментом консолидации электората и легитимации власти. Политический дискурс, сводящий сложные социальные проблемы к простой оппозиции «законопослушного большинства» и «опасного меньшинства», делает ставку на эмоции страха и потребность в порядке. В таких условиях инвестиции в масштабные реабилитационные программы, отдачу от которых сложно измерить в краткосрочной перспективе и представить в виде яркого политического лозунга, проигрывают в конкуренции за ресурсы и внимание строительству новых тюремных мест или ужесточению режима содержания. Этот политический цикл, в котором риторика безопасности напрямую конвертируется в карательную политику, был детально описан Луи Вакканом, показавшим, как неолиберальное государство, отказываясь от социальных функций, гипертрофирует функции полицейские и пенитенциарные [5].

Периодически возникающие в обществе волны «моральной паники» вокруг отдельных резонансных преступлений приводят к стремительному ужесточению законодательства и правоприменительной практики. Эти волны, активно подогреваемые медиа, создают атмосферу, в которой любые гуманистические соображения или данные об эффективности реабилитации воспринимаются как предательство интересов жертв. Законодательные инициативы, принятые в такой атмосфере, носят часто иррациональный и чисто символический характер, но их последствия оказываются долгосрочными и материальными. Они на годы вперед закрепляют карательный уклон системы, создавая новые структурные барьеры для реабилитации. Тюремная администрация, вынужденная работать в рамках постоянно ужесточающихся правил, естественным образом концентрируется на приоритете безопасности и изоляции, отодвигая исправительные задачи на периферию своей деятельности.

Социально-психологические и бюрократические корни доминирования кары. Победа карательной модели обусловлена также мощными социально-психологическими факторами. Она эксплуатирует и одновременно воспроизводит определенные коллективные аффекты. Во-первых, это архаическое чувство стыда, которое в карательной системе приобретает деструктивный, стигматизирующий характер. В отличие от реинтегративного стыда, который направлен на осуждение поступка, а не личности, стигматизирующий стыд навешивает на человека клеймо «преступника», отчуждая его от общества и повышая вероятность рецидива [2]. Во-вторых, карательная парадигма эффективно манипулирует коллективным страхом и потребностью в безопасности, предлагая простой ответ на сложные социальные проблемы: изолировать источник

опасности. Этот ответ психологически комфортнее, чем признание системных причин преступности. Наконец, как отмечают исследователи, в основе ретрибутивных интуиций может лежать сложный клубок аффектов, который Фридрих Ницше называл *Ressentiment* – смесь обиды, страха, агрессии, жестокости и лицемерия [1].

Восстановительная парадигма сталкивается с фундаментальным противоречием при имплементации в рамки государственной бюрократической машины. Последняя для своего функционирования требует стандартизации, формальных показателей и подотчетности. В результате даже самые прогрессивные восстановительные программы рискуют выхолащиваться, превращаясь в бюрократические процедуры. Этическая сложность работы с травмой, виной и прощением плохо укладывается в логику квартальных отчетов. Более того, тюремный персонал, набранный и обученный прежде всего как охранник и контролер, часто не обладает ни компетенциями, ни внутренней мотивацией для выполнения роли фасилитатора восстановления. Институциональная культура тюрьмы, основанная на подозрении, иерархии и подавлении, является прямой антитезой культуре диалога и эмпатии, необходимой для исцеления.

Проблема эффективности, экономики и избирательного гуманизма. Еще одним аргументом в пользу карательной парадигмы является перманентный кризис доверия к реабилитационному идеалу. Периодические разочарования в результатах исправительных программ, особенно на фоне громких рецидивов, используются как доказательство утопичности и наивности подхода, ориентированного на исцеление. При этом упускается из виду, что реабилитация в рамках системы, чьей основной функцией остается изоляция и причинение страдания, обречена быть лицемерной и фрагментарной. Более того, элементы восстановительного правосудия часто применяются избирательно, обслуживая интересы системы, а не идеалы справедливости. Они могут использоваться для разгрузки судов по мелким делам, для создания видимости реформ, не заменяя собой карательное ядро системы. Такая инструментализация дискредитирует саму философию восстановления.

Одним из мощных аргументов противников реабилитационного подхода является утверждение о его дороговизне и экономической неэффективности. Однако этот тезис требует критического рассмотрения. Во-первых, содержание огромной массы заключенных в условиях изоляции является чрезвычайно затратным для общества, но эти расходы носят скрытый, децентрализованный характер. Во-вторых, экономический расчет, как правило, игнорирует долгосрочные издержки карательной системы: стоимость реци-

дивной преступности, потерю человеческого капитала, межпоколенческую передачу социального неблагополучия. Восстановительные программы, особенно на этапе реинтеграции, действительно требуют индивидуальных вложений, но их потенциальная отдача состоит в превращении человека из пассива в налогоплательщика и полноценного члена общества в макроэкономической перспективе может быть значительно выше [6; 7]. Однако политические циклы не рассчитаны на долгосрочную отдачу, что снова создает системное преимущество для карательной модели.

Заключение: тупик или диалектическая возможность синтеза? Таким образом, устойчивое доминирование карательной парадигмы над восстановительной не является случайностью. Оно детерминировано комплексом взаимосвязанных причин: глубокими интуициями о воздающей справедливости, институциональной инерцией и политико-экономической полезностью системы массового заключения, социальной психологией страха и стигмы, политической инструментализацией вопроса безопасности и бюрократическим сопротивлением гуманитарной этике. Пенитенциарная система оказалась идеальным инструментом для неолиберального государства, которое, отступая от социальных обязательств, усиливает аппарат контроля.

Означает ли это, что восстановительная парадигма обречена на маргинальное существование? Ее будущее лежит не в утопической надежде на полное замещение карательной машины, но в стратегическом продвижении идеи о том, что подлинная безопасность рождается не из страха и изоляции, а из восстановленных связей, признанной ответственности и социальной справедливости. Конкретным путем может стать не механическое соединение двух моделей, а их диалектическое преодоление в новой парадигме, где карательный инструментарий (там, где его применение социально необходимо) будет последовательно подчинен высшей цели реинтеграции. Это требует мужества для пересмотра самих основ того, что общество понимает под наказанием и справедливостью. Только тогда пенитенциарная система сможет преодолеть свой изначальный дуализм и стать не просто местом отбывания срока, но пространством для трудной, но необходимой работы по восстановлению человеческого в человеке и восстановлению распавшейся социальной ткани.

Список литературы:

[1] Stanford Encyclopedia of Philosophy. Retributive Justice [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/justice-retributive/> (дата обращения: 30.01.2026).

[2] Медведева С. В., Дементьев О. М. Восстановительное правосудие: краткий экскурс // Science Time. 2014. № 7 (7). С. 171-176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovitelnoe-pravosudie-kratkiy-ekskurs> (дата обращения: 30.01.2026).

[3] Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. 1977. Vol. 17, No. 1. P. 1-15.

[4] Тепляшин П. Неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем: компаративистский аспект // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14, № 1-4 (3). С. 244-249. DOI: [https://doi.org/10.33463/2072-2427.2019.14\(1-4\).3.244-249](https://doi.org/10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.244-249)

[5] Wacquant L. Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham: Duke University Press, 2009. 384 p.

[6] Искандаров Р. Р. Юридическая и клиническая несвобода у осужденных с зависимостью от психоактивных веществ // Наркология. 2025. Т. 24, № 10. С. 36-43. EDN: PJJTKC.

[7] Искандаров Р. Р., Вэтра А. В. Когнитивно-поведенческая терапия в реабилитации осужденных с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ // Наркология. 2025. Т. 24, № 5. С. 56-63. EDN: UWLPRK.

References:

[1] Stanford Encyclopedia of Philosophy. Retributive Justice. 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/justice-retributive/> (дата обращения: 30.01.2026).

[2] Medvedeva S.V., Dementiev O.M. Restorative justice: a short excursion//Science Time. 2014. № 7 (7). S. 171-176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovitelnoe-pravosudie-kratkiy-ekskurs> (дата обращения: 30.01.2026).

[3] Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. 1977. Vol. 17, No. 1. P. 1-15.

[4] Teplyashin P. Neoliberal institutional development of penitentiary systems: comparative aspect//Penal law. 2019. T. 14, NO. 1-4 (3). S. 244-249. DOI: [https://doi.org/10.33463/2072-2427.2019.14\(1-4\).3.244-249](https://doi.org/10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.244-249)

[5] Wacquant L. Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham: Duke University Press, 2009. 384 p.

[6] Iskandarov R.R. Legal and clinical lack of freedom in convicts with addiction to psychoactive substances//Narcology. 2025. T. 24, NO. 10. S. 36-43. EDN: PJJTKC.

[7] Iskandarov R. R., Vatra A. V. Cognitive Behavioral Therapy in Rehabilitation of Convicts with Substance Use Disorders//Narcology. 2025. T. 24, NO. 5. S. 56-63. EDN: UWLPRK.